

А. РАДЗЯВИЧЮТЕ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ НАЗВАНИЯМИ ДЕРЕВЬЕВ И ПТИЦ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

0. Между названиями деревьев (дендронимов) и птиц существует двусторонняя связь — как названия деревьев (и растений вообще) служат средством номинации птиц, так и названия птиц часто являются основой для образования производных наименований деревьев.

0.1. Номинация птиц по деревьям — явление, распространенное как в балтийских, так и в других индоевропейских языках. Напр., лит. *kaĩklis* „голубь лесной“ LKŽ V 294 (ср. лит. *kaĩklas* „ива“), лтш. *priežu putniņš* „клест“ ME III 441 (*priede* „сосна“, *putniņš* „птичка“), прус. *bucawarne* E 723 „сойка“ (*bucus* „бук“, *warne* „ворона“). Ср. также в славянских: укр. *березівка* (*берестянка*) „зяблик“¹, рус. *рябинник* „дрозд малый“², польск. *sosnówka* „снегирь“³, словен. *kalin* „снегирь“⁴. К этому же семантическому ряду относятся нем. *Buchfink* „зяблик“⁵, *Birkenvogel* „пяденица“⁶ и др.

0.2. Наименования деревьев, производные от названий птиц, как кажется, являются менее распространенными. Однако этот способ номинации в системе дендронимии представляется весьма важным.

Семантическая мотивация данного явления основывается на том, что плоды некоторых пород деревьев и кустарников служат кормом для многих птиц и в сознании говорящих деревья оказываются так или иначе связанными с птицами.

Помимо существования целого ряда бесспорных случаев, когда производящая основа выделяется сравнительно просто, можно указать целый ряд и таких примеров, когда ориентация на эту группу зоонимов оказывает существенную помощь при этимологизации названий деревьев.

¹ Булаховский Л. А. Славянские наименования птиц. — В кн.: Булаховский Л. А. Избранные труды: В 5-ти т. Т. 3. — Киев, 1978, с. 205.

² Там же, с. 207.

³ Strutyński J. Polskie nazwy ptaków krajowych. — Wrocław etc., 1972, s. 102.

⁴ Budziszewska W. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, s. 122.

⁵ Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. T.2. — Leipzig, 1860, S. 474.

⁶ Ibid., S. 39.

Ниже остановимся только на данном способе образования названий деревьев на примере двух видов: рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia* L.) и калины (*Viburnum opulus* L.).

1.0. Прежде чем перейти к дальнейшему изложению наших наблюдений, следует подчеркнуть, что, независимо от принципа номинации, в некоторых случаях оказывается, что название, первоначально обозначавшее „калину“, переносится на рябину. Причиной этого является, видимо, то, что для нескольких видов деревьев и кустарников можно определить несколько общих признаков, и именно наличие одного или комплекса таких признаков воспринимается как основное для ряда деревьев и кустарников. Поскольку семантическая мотивация оказывается общей для двух различных объектов, то возникает как бы „суммарное“, двойное значение в каждой порознь взятой лексеме. Двойственный характер семантики названий в таком случае можно трактовать как первое и второе значение одного и того же слова.

Примером рассматриваемого явления могут послужить данные латышского языка, где дендроним *putenes* имеет значения „калина (*Viburnum opulus* L.)“ и „рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia* L.)“ ME III 440. Аналогичное явление наблюдается и в славянских языках, напр., в польских диалектах слово *kalina*, помимо значения „*Viburnum opulus* L.“, известно и со значением „*Sorbus aucuparia* L.“⁷, а в болгарском *калина* известна в значении и „калины“, и „рябины“⁸.

1.1. Одним из наиболее ярких признаков рябины и калины является наличие ягод, которыми питаются птицы. Еще в „Словаре растений“ К. Клюка 1788 г. рябина определяется как „дерево или реже куст..., ягоды которого некоторым птицам приятны“⁹, а о калине говорится, что это куст, „ягоды которого всякой птице приятны“¹⁰. Таким образом, в сознании говорящего именно наличие ягод, которые употребляют птицы, могло оказаться основным признаком, по которому дерево получило свое название.

2.0. В свете сказанного представляется возможным выделить более общий принцип номинации по птицам и предположить, что для называния рябины и калины могла употребляться семантическая модель „название птицы“ → „название дерева (кустарника)“.

2.1. В качестве гипотезы следует сказать, что, видимо, этот тип номинации нашел отражение в латышском названии калины: *putenes*, *putine* EH XV 338.

⁷ Mały atlas gwar polskich. — Wrocław—Kraków, 1961, t. 4, cz. 1, mapa nr. 189.

⁸ Словарь полезных растений на двадцати европейских языках/Ред. Л. Л. Балашев. — М., 1970, с. 178, 198.

⁹ Kluk K., Dykcjonarz roślinny. — Warszawa, 1788, t. 3, s. 92.

¹⁰ Ibid, s. 158—159.

Приведенные формы можно считать производными от общего названия птицы — *putns* „птица“.

2.2. Для семантического подтверждения возможности „действия“ данной модели — буквальный перевод названий рябины в ряде языков: нем. *Vogelbeerbaum* „дерево птичьих ягод“, чешск. *jeřáb ptačí* „рябина птичья“, словацк. *jarabina vtáčia* „то же“, венг. *madárberkenye*¹¹ „то же“ (*madár* означает „птица“, *berkenye* — „рябина“). Ср. также франц. *sorbier des oiseleurs* „рябина птицеловов“.

Славянское название *Sorbus aucuparia* L. **(a)rębina* этимологически нередко связывается с названием рябчика **(j)erębъ* (см: Machek ESJČS 176; Фасмер ЭСРЯ III 534—535). Как нам кажется, сюда же следует отнести и латышское название калины *iŗbenājs*, формально и семантически (в свете славянских данных) соотносимое с *iŗbe* „рябчик“.

3.0. Констатируя наличие данной модели в ряде языков (германских, славянских, финно-угорских), с одной стороны, и подтверждая тем самым возможность ее существования в латышском языке — с другой, мы тем самым получаем некоторое основание для постановки вопроса о том, не происходил ли такой же самый семантический переход и в литовском языке? В этом смысле, как кажется, можно „рябина птичья“ предложить в качестве параллельной к этимологии Э. Френкеля как еще одну этимологическую версию литовского названия *pùtinās* „калина (*Viburnum* L.)“.

Напомним, что Э. Френкель сближал *pùtinās* с глаголом *pùsti* „вздуваться, пухнуть“ и в один семантический ряд ставил слова *putà* „пена“, *putóti* „пениться“, *putnūs* „пухлый“, *puklūs*, *putlūs* „то же“, *putmiõ* „опухлость“ и т. д., лтш. *putekļi* „пыль“, *putenes* „*Viburnum opulus*“, *putenis* „метель“, *putēt* „пылиться“ и т. д., которые восходят к и. -е. корню **reu-*, **rou-*, **rū-* „вздуваться, разбухать“ LEW 677—678.

3.1. В качестве общей посылки укажем на рассмотренные выше принципы: 1) наличие факта смешивания названий рябины и калины, 2) применение „птичьей“ номинации в отношении калины.

Возникает вопрос: не образован ли дендроним *pùtinās* от названия птицы? То обстоятельство, что в литовских диалектах существует наименование птицы *pùtinās*, отмеченное в Кведарне (Būga RR II 527) и в Линкуве (LKŽ X 1129), говорит в пользу выдвинутого предположения.

4.0. Что же касается распространения названия *pùtinās* „калина“ в литовском языке, то оно известно практически повсеместно (см.: LBŽ 370, LKŽ X 1129). Ареал данной лексемы охватывает и северо-западную часть терри-

¹¹ Словарь полезных растений..., с. 178.

тории белорусского языка, откуда известно название калины *пуці'на* (Новогрудский и Щучинский районы)¹².

4.1. В случае, если наше предположение относительно происхождения названия кустарника от названия птицы окажется правильным, то существующие „ножницы“ между ареалами обоих названий в современном литовском языке теоретически можно было бы объяснить двояко: 1) возможно, что в прошлом диалектное название птицы *pùtinas* было распространено шире, чем сейчас, или же 2) название калины *pùtinas* распространилось с территории, где птицу называли *pùtinas*.

4.2. Более того, если образование названия калины от названия птицы следует отнести не к литовской, а к восточнобалтийской эпохе и это слово является общим для литовского и латышского языков, то должно ли оно иметь в каждом из них отдельную этимологию? Если учесть сказанное, а также то, что в латышском языке этимологическая связь между *putenes* и *putns* является более очевидной, то можно предполагать, что лит. *pùtinas* „калина“ образовалось по вышеуказанной модели.

ON THE INTERCONNECTION BETWEEN THE NAMES OF TREES AND BIRDS IN BALTIC LANGUAGES

Summary

This paper is an attempt to prove the existence of bilateral connection between the names of birds and trees. The names of mountain-ash (*Viburnum opulus L.*) and snowball tree (*Sorbus aucuparia L.*) being often mixed, the semantic model „name of a bird“ → „name of a tree“ is suggested for both of them. The author of the paper suggests the existence of this model in the Lettish *putenes* (*Viburnum opulus L.*): *putns* „bird“ and gives a parallel etymological version of the Lithuanian *pùtinas*.

¹² Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 4. — Мінск, 1984, с. 197.